
Н. Р. ХУПЕНИЯ

О ЦЕННОСТНЫХ АСПЕКТАХ ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматривается проблема изменчивости ценностей в условиях социальных трансформаций, интенсивность которых значительно возросла в последние десятилетия. Сделана попытка раскрыть фундаментальные причины переоценки ценностных ориентиров в индивидуальном и общественном сознании с опорой на концепцию «центр и периферия». Автор интерпретирует социальную действительность, раскрывая ценностно-смысловое содержание центра и характер его воздействия на периферию. Показана доминирующая роль центра в сохранении сложившейся ценностной системы и укреплении «иммунитета» социума против дестабилизирующих факторов. И напротив, отмечается, что масштабность и высокая интенсивность социальных изменений могут завершиться возвышением периферии над центром и перенастройкой ценностных основ бытия. Приводятся примеры центр-периферийных отношений с отсылкой к историческим фактам.

Ключевые слова: центр, периферия, ценностные ориентиры, социальные трансформации, традиция, переоценка ценностей, социокультурное наследие, охранительная стратегия.

The article considers the problem of variability of values under social transformations, whose intensity has significantly increased in recent decades. Basing on the “center and periphery” concept, the author makes an attempt to reveal the fundamental reasons for the reassessment of value orientations in the individual and social consciousness. The author interprets social reality and reveals the value-semantic content of the center and its peculiar impact on the periphery. The article also shows the dominant role of the center in preserving the existing value system and strengthening the society’s “immunity” against destabilizing factors. And it is noted that on the contrary, the scale and intensity of social changes can result in the rise of the periphery above the center and the ‘reconfiguration’ of the value bases of being. The examples of “center-peripheral” relations with reference to historical facts are given.

Keywords: *centre, periphery, value orientations, social transformations, tradition, revaluation of values, socio-cultural heritage, protective strategy.*

В ходе исторического развития любое общество, как и человечество в целом, подвергается воздействию трансформационных процессов, приводящих к переосмыслению ценностных оснований бытия и раскалывающих единство сложившейся социальной системы. Следствием этих процессов становится изменение детерминантов человеческого сознания и поведения, переоценка образа жизни и ценностных ориентиров в индивидуальном и общественном сознании, «перестройка» духовных основ личности и ряда фундаментальных аспектов общественного устройства. Носители новых культурных установок утрачивают общий язык с носителями устоявшихся ценностей, для которых социальное наследие прошлого выступает предметом непререкаемой веры, позволяющим не только ориентироваться в мире, но и сберечь свою идентичность и воспроизводить ценностные ориентиры из поколения в поколение.

Социальные трансформации, в свою очередь, воспринимаются приверженцами прошлого весьма болезненно: они обостряют этническое самосознание, усиливают потребность к самосохранению и защите идентичности. Как следствие, возрастает общее сопротивление переменам, выражающееся в самых различных формах: от растущей ностальгии по утраченному прошлому до целенаправленной и подчас агрессивной консервации (сохранения) элементов социокультурного наследия и любых групповых представлений, сформировавшихся за многие предшествующие годы и унаследованных от предыдущих поколений. В то же время трансформации могут носить настолько глобальный и всепроникающий характер, что их сдерживание оказывается не под силу даже наиболее консервативным социумам. Многие ценности и связанные с ними элементы наследия рано или поздно утрачивают свою значимость и в конечном счете могут исчезнуть из общественной жизни или, например, модифицироваться, переоплотиться в иную форму социальных регуляций.

Для объяснения подобного «поведения» ценностей представляется полезным с научной точки зрения обратиться к концепции

«центр – периферия», изначально развиваемой в рамках анализа взаимоотношений центральных и периферийных регионов, районов и территорий. Концепция в своем классическом виде была разработана американским географом и урбанистом Джоном Фридманом в работе «Политика регионального развития: опыт Венесуэлы» [Friedmann 1966] и впоследствии получила широкое распространение в экономической географии, политологии, геополитике и ряде других гуманитарных дисциплин, но все чаще стала употребляться и в социально-философской мысли. При этом термины «центр», «периферия» и подобные им пространственные понятия (такие как «централизация», «рассредоточение», «граница» и пр.) стали использоваться прежде всего как метафорические, дискурсивные средства интерпретации социокультурной реальности и социальных действий членов общества. Итальянский социолог Р. Страссолюдо справедливо замечает: «...пространственное и аналитическое измерения общества действительно переплетены в силу того простого факта, что общество есть и собрание человеческих особей на некоей территории, и “реальность *sui generis*”, как настаивал Дюркгейм, присутствующая в нематериальных сознаниях этих особей как структура образов, норм и ценностей» [цит. по: Каспэ 2005: 12]. Следовательно, можно предположить, что «собрание человеческих особей» имеет некое ядро или центр как средоточие ценностно-смысловых аспектов. Этот «центр» (как и выстраивающиеся с ним в один смысловой ряд понятия «абсолют», «логос», «эйдос», «телос», «круг» и др.) аккумулирует в себе образы, символы, нормы и ценности, которыми руководствуется социум. Это нечто окончательное и нередуцируемое, при этом окруженное множественностью – «периферией» и производящее ее.

Подобный ракурс при интерпретации социальной действительности присущ архаическому и мифологическому мировоззрению, а «центр» и «периферия» (и аналогичные по смыслу категории) издревле выступают как архетипы человеческого сознания. Тем интереснее обнаружить различные социально-философские течения современности, оперирующие указанными категориями. Речь прежде всего идет о фундаментальных результатах в рамках разработки этой проблематики, полученных американским социологом Э. Шилзом в работе «Центр и периферия: очерки макросоциоло-

гии» [Shils 1975]. Центр в трактовке исследователя обладает двойственной природой – ценностной и институциональной. Во-первых, «центр, или центральная зона, является феноменом из области ценностей и верований. Это центр того порядка символов, ценностей и верований, который правит обществом. Он является центром, поскольку имеет предельный и не подлежащий изменению характер; и многими членами общества он ощущается именно таковым. Центральная зона обладает сакральной природой. В этом смысле каждое общество имеет “официальную” религию, даже когда это общество им самим или его представителями и интерпретаторами трактуется – более или менее корректно – как секулярное, плюралистическое и толерантное» [*Ibid.*: 3]. Во-вторых, «центр также является феноменом из области действия. Он является структурой действий, ролей и лиц в сети институтов. Именно тех ролей, в которых воплощены главные ценности и верования» [*Ibid.*].

Далее Шилз характеризует смысловую сторону центра и вводит категорию «центральной ценностной системы общества», которой обозначает структуру, несущую в себе сакральное содержание и играющую решающую роль в интеграции общества, благодаря тому, что она содержит нередуцируемые, критически важные ценности, посредством которых индивиды идентифицируют себя и связываются в единую общность. «Существование центральной ценностной системы обусловлено базовой человеческой потребностью во включенности в нечто, способное трансцендировать, преобразить и возвысить повседневный индивидуальный опыт» [*Ibid.*: 7]. Эта потребность существует независимо от степени ее осознанности и отрефлексированности, на что указывает Шилз: «...обычный человек – вовсе не идиот в греческом смысле слова. Скрытым образом, полуосознанно и неявно, он также находится в определенных взаимоотношениях с центральными инстанциями и символами сообщества» [*Ibid.*: 111].

Внутри этой структуры содержатся социальные подсистемы, каждая из которых имеет свои авторитеты, так называемую элиту, которая может быть представлена как одним человеком, так и группой наделенных властью людей. «Решения, принимаемые элитами, входят как составные части в общую совокупность смыслов,

установок и ценностей, подверженную единым стандартам, для которых система как целое, общество, является как бы предпосылкой. Ценности, которые находят свое выражение в этих стандартах и которые обуславливают эти элиты, мы будем называть центральной ценностной системой общества. Эта центральная ценностная система является “центральной зоной” общества. Ее можно назвать “центральной”, поскольку она подразумевает связь с тем, что общество почитает как сакральное; а также потому, что она обуславливает общественные авторитеты» [Shils 1975: 118]. Принимая властные решения, элиты способны преобразовать и возвысить повседневный индивидуальный опыт, связав его с более высокими порядками бытия. Следовательно, можно заключить, что центр в понимании Э. Шилза несет в себе «упорядочивающую», «смыслополагающую» функцию, формирует и распространяет в обществе сакральное начало и связанные с ним ценности и коллективные представления.

Второй базовой категорией в концепции американского социолога является «периферия», к которой он относит те слои или части общества, которые являются получателями (реципиентами) этих представлений. Образно выражаясь, периферия – это материал, на котором совершается творческая функция центра. В религиозно-мифологическом отношении если центр есть средоточие сакрального, то периферия – область профанного. По мнению Л. Гринфилда и М. Мартина, периферия есть «подлежащие интеграции элементы, материал, на котором совершается творческая, социогенная функция центра» [Greenfeld, Martin 1988: 9].

Отсюда Шилз дает следующую характеристику соотношения центра и периферии: «...центр состоит из тех институтов (и ролей), которые осуществляют власть, будь она экономическая, государственная, политическая, военная, – и тех, которые создают и распространяют институты, – религиозные, литературные и т. д. – через церкви, школы, общественные учреждения и т. д.» [Shils 1975: 39]. Из изложенного можно заключить, что традицию, нормы, верования и всю совокупность социокультурного наследия в целом следует, по Шилзу, рассматривать в качестве феноменов, производных (продуцируемых) из центральной ценностной системы общества и выступающих в форме механизма, транслирующего

«генетический код» общества на периферию и организующего пространство социальных действий. Иными словами, указанные категории есть часть единой интегрированной системы институционального обеспечения существования и функционирования центральной ценностной системы общества. Как справедливо отмечает последователь Э. Шилз Ш. Эйзенштадт, «построение центров означает на макросоциальном уровне создание фокуса институционализации в символических и организационных аспектах социальной жизни, формирование места, где организационные характеристики и проблемы соединяются с макрообразцами смысловых значений» [Эйзенштадт 1999: 80]. Соответственно, в традициях, обрядах, ритуалах и иных феноменах, несущих в себе символическую и иногда метафизическую нагрузку, обнаруживается проявление природы центра, ее влияние на периферию.

Шилз специально подчеркивает, что центр пытается властвовать над периферией и, соответственно, стремится к экспансии, насыщению и пропитыванию всего социального пространства сообразно содержанию центральной ценностной системы. Однако исследователь допускает, что порой центр сталкивается с сопротивлением периферии, и хотя, как правило, он достигает господства над ней, его усилия могут ограничиваться «недостаточностью ресурсов и возможностей, а также пассивным или активным сопротивлением со стороны периферий. Ответы периферий разнообразны; они разнятся от выраженной или пассивной покорности и самосохранения через изоляцию до попыток отделения, сопротивления или даже завоевания превосходства над центром. Периферии могут пытаться стать автономными центрами или заместить собой действующие центры» [Shils 1988: 253–254]. Как отмечает российский политолог С. И. Каспэ, «отношения центров и периферий – не однонаправленное доминирование, но сложная циркуляция взаимных ориентаций когнитивной, нормативной, ценностной и другой природы, которые к тому же отнюдь не замкнуты в пределах одного общества» [Каспэ 2008: 39].

Однако здесь следует подчеркнуть, что Шилз обходит стороной причины сопротивления периферии центру. В частности, он не исследует истоки возникновения многообразных напряжений, «конфликтов» во взаимоотношениях между ними, не затрагивает

периоды кризиса ценностей и порождающих его факторов. Он не касается случаев распространения социальных трансформаций, приводящих к переосмыслению содержания центральной ценностной системы и актуализирующих вопросы поиска и репродукции новых ценностных ориентиров и их «распространения» на периферию. Тем не менее рассмотрение этих вопросов позволит, на наш взгляд, обнаружить в весьма стройной концепции Шилза скрытый потенциал, который, при достаточном внимании к ценностной составляющей, способен пролить свет на объяснение динамики сложившихся в социуме ценностей, традиций и иных устойчивых представлений о предметах и явлениях природно-социального бытия.

Как уже отмечалось, социальные изменения воспринимаются носителями этих представлений весьма болезненно, в особенности если они содержат в себе угрозы ценностям, принадлежащим центральной ценностной системе общества, и, соответственно, вызывают резкую охранительную реакцию со стороны элит. Она, как правило, выражается в форме усиления каналов ретрансляции ценностей на периферию, в настойчивом принуждении к соблюдению принятых в обществе традиций и устоев с помощью достаточно жестких и репрессивных мер: мельчайшей регламентацией поведения, ужесточением контроля над выполнением предписаний и ритуалов, умножением запретов и разного рода ограничений, нарушение которых может грозить наказанием и общественным порицанием. Цель такой стратегии – не допустить в сознание реципиентов (общности) элементов, противоречащих содержанию структурообразующих установок центральной ценностной системы. Действия центра тем самым направлены на укрепление «иммунитета» общества против дестабилизирующих факторов и угроз, защиту социальной системы.

Такая реакция центра характерна для общества, в котором социальное наследие предков играет главенствующую роль в воспроизводстве и трансляции ценностных ориентиров на периферию из поколения в поколение. В таком обществе «интересы» центра и периферии совпадают, они выступают с единых консервативных позиций по отношению к происходящим сдвигам, отвергают новые веяния, видят в них угрозу сложившимся и исторически закрепив-

шимся представлениям. Например, инициированные Французской революцией перемены в европейском общественном сознании, с одной стороны, спровоцировали разрушение многих традиций в европейских странах и обусловили распространение новых ценностных ориентиров под общей идеологической установкой «Свобода, равенство, братство». С другой стороны, эти процессы послужили источником зарождения мощной охранительной реакции в Российской империи и в конечном счете выкристаллизовались в известной уваровской идеологической триаде «Православие, самодержавие, народность». Можно утверждать, что на протяжении длительного времени, вплоть до распада Российской империи, эта триада занимала важнейшее место в центральной ценностной системе российского общества и охранялась элитой. Ее, по сути, защищал Н. М. Карамзин: «Самодержавие есть палладиум России; целостность его необходима для счастья» [Карамзин 1991: 105]. Не менее выразительно представлял эту позицию Ф. М. Достоевский словами Шатова из «Бесов»: «Если великий народ не ведает, что в нем одна истина (именно в нем одном и именно исключительно), если не верует, что он один способен и призван всех воскресить и спасти своею истиной, то он тотчас перестает быть великим народом... Но истина одна, а стало быть, только единый из народов может иметь Бога истинного... Единый народ богоносец – русский народ» [Достоевский 2008: 126]. В том же охранительном духе выражался К. Н. Леонтьев: «Именно безграмотный русский народ в большей степени, чем образованная либеральная интеллигенция, сохранял русское культурное своеобразие и самосознание, именно он являлся хранителем “народной физиономии”, которую нужно во что бы то ни стало сберечь» [Леонтьев 2005: 98]. Архиепископ Никон (Рождественский) взывал к мирянам: «Русские люди! Храните как зеницу ока Царское Самодержавие! Царское Самодержавие есть залог нашего народного счастья, есть наше народное сокровище, какого нет у других народов, а потому кто осмелится говорить об ограничении его, тот – наш враг и изменник!» [Архиепископ Никон (Рождественский) 2013: 136]. В согласии с данными установками выступала и действовала «сердцевина» центра: император Николай I уверял подданных («периферию» в понимании Шилза), что «деспотизм еще существует в России, ибо он составля-

ет сущность моего правления, но он согласен с гением нации» [Лемке 1909: 142], а его внук император Александр III указывал им, что «глас Божий повелевает нам стать бодро на дело правления, в уповании на Божественный промысел, с верою в силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее покушений» [Высочайший... 1996: 234].

Другим примером защитной реакции на нововведения и трансформационные процессы служит раздиравший русскую церковь конфликт между сторонниками и противниками проведенных патриархом Никоном церковных реформ, завершившийся тяжелым расколом среди православного духовенства и мирян. Созванные церковные соборы 1654–1655 гг. постановили устранить различия, в частности, в богослужебных традициях и обрядах между русской и константинопольской церквями (например, двоеперстие при совершении крестного знамения было заменено на троеперстие; хождение по солнцу во время обряда крещения [«посолонь»] было заменено на хождение против солнца и др.). Новые традиции противоречили старине (давности), бывшей в сознании людей наиболее надежной гарантией истинности веры. Даже малейшее изменение обряда делало недействительным само таинство и означало крушение богоустановленного порядка. Как следствие, стало набирать силу староверческое движение, не принявшее реформу и обличавшее «никоновские новины». Слова протопопа Аввакума, одного из вождей старообрядчества, зафиксировали фанатичную верность старым порядкам как условие спасения души: «Держу до смерти, яко же приях; не прелагаю предел вечных, до нас положено: лежи оно так во веки веком!» («Сохраню до конца в том виде, в каком принял; не нарушу заветов: до нас положено, лежи оно так во веки веков») [Карацуба и др. 2005: 162]. Одной из форм протеста против реформы, последующих преследований и гонений со стороны властей стали печально известные массовые старообрядческие «гари», в которых сжигали себя сотни людей.

Сегодня подобная апология сложившихся традиций находит выражение в различных религиозных и философско-политических течениях консервативной направленности, таких как религиозный фундаментализм, евразийство, динамический консерватизм, и во

многих других течениях, подчеркивающих необходимость противостояния любым силам и социальным изменениям, угрожающим сложившимся ценностям, социокультурной и духовной «особости», исторической самобытности и т. д. Традиции в их универсальном понимании рассматриваются как эффективный инструмент сохранения существующих ценностей и воспроизводства национальной идентичности на протяжении многих поколений, снижения интенсивности кризисных проявлений и положительного влияния на духовно-нравственные отношения и на общество в целом. Сторонники этих течений увязывают переживаемые кризисные периоды с общим антитрадиционалистским настроем эпохи, видят в нем источник «всех бед» и сознательно осуждают отказ общества от социального наследия прошлого, религиозных, этнических, политических и иных традиций.

Однако охранительная стратегия не всегда дает ожидаемые для центра результаты, особенно если перемены носят всепроникающий и масштабный характер. Действия центра зачастую неспособны предотвратить их воздействие на периферию. Но неготовность самого центра совершить «ценностную перестройку», впитать в себя новые ценности и распространяющиеся с ними знания, адаптироваться к новым реалиям и отказаться от устаревших традиций, сдерживающих социальную модернизацию, может обернуться резкой ответной реакцией (сопротивлением) периферии, в результате которой во взаимоотношениях центра и периферии может назреть кризис. По мере его усугубления в периферии будут все сильнее проявляться ненависть к старому миру, нетерпимость и агрессия к ценностным ориентирам, навязываемым центром, желание решительно порвать со старым порядком. Не случайно большевики в конечном счете пришли к власти и были поддержаны основной массой населения под решительным лозунгом отказа от дискредитировавших себя ценностей и значительной части социокультурного наследия имперской России и на волне идеи построения нового (социалистического) общества на совершенно иной ценностной основе. Можно утверждать, что в революционных ситуациях возвышение периферии может завершиться ее вторжением в центр.

В то же время общества с ослабленным «иммунитетом» против социальных трансформаций хотя и подвергаются рискам потери

части ценностного наследия, все же способны совершить успешный переход на новый уровень развития менее болезненно. Для этого, как представляется, центр должен проявлять гибкость к изменениям глобального характера, сопровождающимся замещением укорененных ценностей новыми, соответствующими духу времени. При этом элита должна быть толерантной и сдержанной к проникновению иных, непривычных установок в общественную жизнь, а также не препятствовать ослаблению внешних ограничителей свободы выбора индивидов, составляющих значительную часть периферии. Как известно, социальные изменения, протекающие в постиндустриальную эпоху, подорвали авторитет многих ценностей индустриального общества. Следствием этих процессов стала, к примеру, легализация бракоразводных процессов во многих европейских странах, наблюдаемая со второй половины XX в. Развод в этих странах столетиями был незаконен, поскольку шел вразрез с глубоко укорененными религиозными и семейными традициями клановых и семейных отношений (духовного единства семьи, крепких семейно-родственных связей, семейного воспитания и др.). Нарушение этих традиций грозило публичным осуждением, дискредитацией чести семьи, а порой и изгнанием из привычной социальной группы. Однако под воздействием перемен и постепенной смены ценностных ориентиров эти традиции ослабевали, в то время как общественные настроения в пользу легализации разводов распространялись все сильнее, что в результате повлекло за собой соответствующие изменения в законодательстве. Как отмечают американский социолог Р. Инглхарт и немецкий политолог К. Вельцель, с 1960 по 1990 г. показатель количества разводов резко вырос почти во всех постиндустриальных обществах, кроме Ирландии, где они оставались под запретом до 1995 г. [Инглхарт, Вельцель 2011]. Схожие тенденции наблюдались и в советской России периода оттепели, когда государственная власть (центр) ослабила действовавшие в стране ограничения идеологического характера в отношении советской семьи. Принятые в середине 1960-х гг. постановления упростили процедуру развода и привели к резкому увеличению их количества: если в 1964 г. было зарегистрировано около 223 тысяч разводов, то в 1967 г. – 412,5 тысячи [Авдеев 1998: 8].

Таким образом, представляется, что обращение к ценностным аспектам центр-периферийных отношений позволяет значительно расширить возможности для объяснения изменчивости ценностей в исторической перспективе, глубже осмыслить ее причины, точнее рассмотреть и понять различные аспекты сохранения и воспроизводства ценностных ориентиров, особенно в условиях радикальных трансформаций, периодически и повсеместно переживаемых социумом. В то же время потенциал этих отношений, рассматриваемых сквозь призму ценностного измерения, не исчерпывается фокусированием исследовательского внимания лишь на уровне локальных или территориальных социально-культурных систем. Новую группу проблем ставят взаимоотношения различных центров в глобальном контексте современности, их соотнесения между собой в условиях, когда центры в рамках центр-периферийных отношений на локальном уровне могут, в свою очередь, являться перифериями на уровне глобальном [см.: Панарин 2003]. Значение центра в таких ситуациях может нивелироваться, способствуя как появлению новых форм, таких как «полуцентр» или «полупериферия», так и распространению иных тенденций, которые должны стать предметом отдельных исследований.

Литература

Авдеев А. А. Браки и разводы в России // Народонаселение. 1998. № 2. С. 3–13.

Архиепископ Никон (Рождественский). Православие и грядущие судьбы России. М. : Ин-т русской цивилизации, 2013.

Высочайший манифест от 29 апреля 1881 г. // Государство российское: власть и общество. С древнейших времен до наших дней: сб. документов / под ред. Ю. С. Кукушкина. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996.

Достоевский Ф. М. Бесы. М. : Азбука-классика, 2008.

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М. : Новое изд-во, 2011.

Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М. : Наука, 1991.

Карацуба И. В., Курукин И. В., Соколов Н. П. Выбирая историю свою. «Развилки» на пути России: от Рюриковичей до олигархов. М. : Колibri, 2005.

Каспэ С. И. Апология центра: о забытом методологическом ресурсе политической науки // Полис. Политические исследования. 2005. № 1. С. 5–24.

Каспэ С. И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М. : Московская школа политических исследований, 2008.

Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. 2-е изд. СПб. : Изд. С. В. Бунина, 1909.

Леонтьев К. Н. Грамотность и народность / К. Леонтьев // Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 7. Кн. 1. СПб. : Владимир Даль, 2005.

Панарин А. С. Север – Юг. Сценарии обозримого будущего // Наш современник. 2003. № 5. С. 239–263.

Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М. : Аспект Пресс, 1999.

Friedmann J. Regional Development Policy: a Case Study of Venezuela. Cambridge : M.I.T. Press, 1966.

Greenfeld L., Martin M. The Idea of the «Center»: An Introduction // Center: Ideas and Institutions / ed. by L. Greenfeld, M. Martin. Chicago : University of Chicago Press, 1988.

Shils E. Center and Periphery: Essays in Macrosociology. Chicago : University of Chicago Press, 1975.

Shils E. Center and Periphery: An Idea and Its Career, 1935–1987 // Center: Ideas and Institutions / ed. by L. Greenfeld, M. Martin. Chicago : University of Chicago Press, 1988.